

щины, облачившись в традиционную зороастрийскую одежду, допоздна ведут экскурсии, рассказывая посетителям о зороастрийской обрядности и основах веры. Среди занятых экспонатов музея можно указать коллекцию русских самоваров, ставших традиционной иранской, в том числе зороастрийской, утварью.

Библиография

Крюкова В. Ю. Зороастрийские святыни Йезда и Тегерана // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. СПб., 2012. Вып. 3.

Boyse M. A Persian Stronghold of Zoroastrianism. Lanham; N.-Y.; L., 1989.

Л.Ш. Меликишвили

КОНФЕССИОНАЛЬНОСТЬ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Кризисные трансформации конфессиональности являются одним из источников негативной энергии. Конфессиональность служит внутригрупповой интеграции и тем самым способствует развитию дезинтеграционных тенденций среди поликонфессионального общества в целом. Конфессиональность выполняет функцию культурной различительности, и она вполне может превратиться в орудие дезинтеграции и отчужденности в обществе. Когда уменьшается внутригрупповое и усиливается межгрупповое различие, происходит переоценка культурных различий.

Четким примером внутриэтнической интеграции до недавнего времени являлось Панкисское ущелье, где проживали этнически различные группы, но, несмотря на это, ущелье было единым социальным организмом, т.е. в нем сложилась своеобразная субкультура. До последнего времени и осетины, и кистинцы, вместе с грузинским населением, были ориентированы на Грузию не только экономически, но и социально, идеологически и политически.

Разумеется, все это имело свою основу. Кистинцы появились в регионе в основном с 30-х годов XIX в., а осетины — с 20-х годов XX в. Здесь были моноэтнические грузинские, кистинские и

осетинские села. Несмотря на некоторые противоречия, проблемы, локальные особенности, между ними установились отношения, что и превратило ущелье в единый социальный организм. Иначе мирное совместное проживание полиэтничного общества было бы немыслимо. В качестве гаранта безопасности каждая этногруппа применяла традиционные обычаи. Самым действенным из них был широко распространенный на Кавказе институт побратимства. У каждого кистинца имелся побратим кахетинец. Одну из форм искусственного родства — крещение — представители разных конфессий (мусульмане, христиане) превратили из чисто религиозного ритуала в залог сближения и способ урегулирования межэтнических отношений. Большую роль в этом отношении сыграли широко распространенные в ущелье (даже при коммунистическом режиме) синкретические религиозные верования — обряды и ритуалы, в основе которых лежали идентичные для горцев языческие верования и представления.

Положительную роль сыграло также миссионерское общество восстановления православного христианства на Кавказе. Именно это общество построило церковь Св. Георгия в с. Джоколо Панкисского ущелья, где в 1886 г. кистинцы приняли христианство. Новообращенным дали грузинские имена, а к их фамилиям приставили окончание «швили» на грузинский лад, таким образом можно сказать, что фамилии, которые носят сегодня кистинцы и осетины, грузинские. Грузинский же язык был и по сей день остается средством коммуникации между ними. Репрессии 1944 г., которым подверглись чеченцы и ингуши, не коснулись кистинцев, и по этой причине они еще больше сблизились с грузинским народом. Таким образом, не одновременно переселившиеся этногруппы, несмотря на культурное своеобразие, образовали в ущелье единую, стойкую социальную среду, подкрепленную и идеологией.

Даже позднее распространившийся в ущелье ислам не смог породить среди кистинцев радикальное отчуждение к грузинской среде. Проповедники ислама из Чечни, Дагестана и Азербайджана внедряли на Кавказе суфизм — мистико-аскетическое учение. Из 12 главных суфийских братств на Северном Кавказе, в том

числе и в Панкисском ущелье, нашли распространение два: *кадирия* / *кунтхадж* (название связывают с именем проповедника чеченца Кунта-хаджи) и *накишбанд*.

В ущелье ислам пустил корни до такой степени, что в 1902 г. в с. Дуиси была воздвигнута мечеть, где приверженцы этой религии и по сей день проводят религиозные ритуалы. Обратим внимание и на тот факт, что жители сел Омало и Джоколо оставались христианами вплоть до 50-х годов XX в. Кистинцы вместе с грузинами и осетинами до 90-х годов XX в. отмечали празднества грузинских святылец — Св. Георгия, Тушоли, Копала, Лашари и др., а к Пасхе даже красили яйца.

И все же, несмотря на успешную адаптацию и интеграцию, ситуация кардинальным образом изменилась в 90-х годах XX в. В связи с произошедшими в это время событиями (грузино-осетинский конфликт) часть осетинского населения покинула ущелье и нашла прибежище как в Самачабло (в советское время — Южная Осетия), так и в Северной Осетии-Алании. В последующие годы экономическая необеспеченность вынудила кистинцев превратиться в экономических мигрантов. До так называемой Первой чечено-русской войны в ущелье оставались лишь одни старики и дети. Большая часть трудоспособного населения уехала в Чечню на заработки, а многие и совсем оставили ущелье и вернулись впоследствии назад вместе с чеченцами уже в качестве беженцев.

В этот же период в ущелье распространился ваххабизм — религиозно-политическая секта суннитского ислама, цель которого заключается в реставрации ислама времен Мухаммеда. Ваххабиты признают лишь Коран — священную книгу мусульман и отказываются чтить все рукотворное. Ваххабизм проповедует равноправие всех мусульман, несмотря на их социальный и экономический статус. Ваххабиты верят, что истинный мусульманин только ваххабит, остальные — грешники. Суфизм, в отличие от ваххабизма, нашел опору в национальных традициях, обрядах, т.е. во всем, чего категорически не признает ваххабизм. Ваххабизм внедряет свои диаметрально отличные правила и порядки во всем — в поведении, наружном облике человека и т.д.

Изменения религиозного характера в Панкисском ущелье приняли своеобразный оборот. Против ваххабизма здесь выступает не молодежь, а старшее поколение, которое считает, что молодежь, следуя ваххабизму, тем самым наносит оскорбление религии, отрицанию традиций.

Среди последователей ваххабизма в основном молодежь мужского пола; что же касается их жен и сестер, то они находятся под строгим присмотром и беспрекословно подчиняются мужскому диктату. Ваххабитов молодые отождествляют с героями-чеченцами, борющимися за независимость Чечни. Они признают один лишь ислам в «первозданном» виде, а не тот «коммунистического покроя ислам», и сожалеют, что старшее поколение из-за своего «невежества» верит в какой-то неопределенный, неверный ислам. По их убеждению, настало время исправить «старые ошибки» и возродить настоящее мусульманство шамильских времен.

Раньше кистинцы Панкисского ущелья веровали в синкретическую религию, одинаково соблюдали как христианские, так и дохристианские — языческие — ритуалы. Заодно соблюдались и чисто мусульманские обряды. Сегодня ситуация резко изменилась: новообращенная молодежь отвергает ислам с синкретическими элементами и от старшего поколения требует четкого соблюдения норм «истинного ислама».

Новой религиозной ценностью стала конверсия — протест против старой идеологии. Страх перед ваххабизмом (столь неприемлемым для традиционной культуры кистинцев) и непримиримость между двумя группами мусульман привели к тому, что в с. Дуиси, где действует построенная еще в 1902 г. мечеть, построили новую мечеть для ваххабитов, так как в старую их не пускали. Появились новые мечети и в селах Омало, Джоколо и Биркиани, в которых, соблюдая все правила, читают намаз. В конечном итоге, все это ведет к потере этнической самобытности кистинцев и их изоляции от общегрузинской культуры.

Несмотря на общность материальной культуры, появляются духовные и психологические границы. Приводятся в действие исторические, социальные и политические разграничительные механизмы.

Панкисское ущелье сегодня находится в состоянии кризиса. Имеющим место в обществе бытовым, социальным или же политическим процессам присущи все характерные для государства, пребывающего в переходном состоянии, трудности.

Сегодня в Панкисском ущелье разрушена культура, на формирование которой ушли десятилетия; сплоченная, правда мозаичная, но все же единая культура ущелья, которая, используя свои спецхарактеристики, заботилась о стабильности общества, его безопасности. Она оказалась зависимой не только от политической ситуации, но и от степени сплоченности ее составных частей.

Социально-политическая ситуация подвергла испытанию традиционную культуру. Элементы, стабилизирующие общественные отношения, быстро исчезли, и общество впало в кризис. Единая, цельная культура распалась на микроэтнокультуры каждой отдельно взятой группы, чему, безусловно, оказало содействие изменение ориентаций. Еще большей закрытости и без того закрытой культуре Панкисского общества способствует «реальная мусульманизация» значительной части его населения. Культура все больше закрывается. А это становится препятствием на пути демократического процесса, проведения реформ.

В.Г. Соболев

АК БУЛУН (СВЕТЛЫЙ МЫС) КАК ПРИМЕР РЕЛИГИОЗНОГО СИНКРЕТИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Религиозный синкретизм в Центральной Азии — явление довольно хорошо изученное. Многочисленные примеры сочетаний исламских и доисламских верований, зороастризма и буддизма, христианства различных направлений и шаманизма — все эти многоликие религиозные традиции, тесно связанные и переплетенные между собой, не раз становились предметом исследования отечественных и зарубежных этнологов. Не раз обращались они и к проблематике христианского среднеазиатского наследия [Бартольд 1964: 265–302, 315—319; К истории христианства... 1998].